

Пророческий роман
о нашем завтрашнем дне. — *Library Journal*

Лидия Милле

ФИНАЛИСТ ПУЛИТЦЕРОВСКОЙ ПРЕМИИ

ПОСЛЕДНЕЕ ЛЕТО

18+

Ли́дия Ми́лле
Последнее лето

Издательство «Синдбад»

2020

Милле Л.

Последнее лето / Л. Милле — Издательство «Синдбад», 2020

ISBN 978-5-00-131514-8

Новый роман финалистки Пулитцеровской премии Лидии Милле начинается как история взросления, которая достаточно быстро превращается в триллер, плавно переходящий в дистопию с множеством аллюзий на Библию и известные произведения литературы (от сравнения с «Повелителем мух» удержаться будет сложно). Двенадцать детей вынуждены отдыхать со своими родителями в особняке на берегу озера. В обществе взрослых царят Содом и Гоморра, а забытые дети наблюдают за ними с презрением – они даже придумали игру, главное правило в которой – не выдать, кто твои родители. Когда на побережье обрушивается разрушительный шторм, взрослые снова и снова доказывают свою несостоятельность, и детям приходится брать ответственность за выживание на себя. «Последнее лето» – пророческая, разбивающая сердце история о взрослении и неизбежном разделении поколений.

ISBN 978-5-00-131514-8

© Милле Л., 2020

© Издательство «Синдбад», 2020

Содержание

Лидия Милле	5
1	6
2	17
3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лидия Милле

Последнее лето

A Children's Bible – Copyright © Lydia Millet, 2020

Published in the Russian language by arrangement with *Massie & McQuilkin Literary Agents*
and Synopsis Literary Agency

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2023

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2023

1

Однажды мы провели на природе целое лето. В лесу устраивали себе дома на деревьях, плавали на лодках по озеру. На маленьком каное запросто можно было догresti до океана. Мы пересекали озеро, минуя болото, потом спускались до самого устья речки – туда, где вода встречается с небом. Оставив лодки на песке, мы носились по пляжу, овеваемые соленым бризом.

Как-то раз мы нашли череп динозавра – хотя, может, это были останки морской свиньи. Попадались нам и яйца ската, и ракушки «акулый глаз», и морское стекло.

Еще до рассвета мы брались за весла, плыли к озеру, провожаемые криками неумных гагар, и возвращались в особняк к ужину. Чтобы смыть песок с ног, перед причалом прыгивали в воду. Вопили от восторга. Нырjali и кувыркались под вечерним лиловым небом.

На холме за причалом бродили по лугу олени. Однако мы не обольщались насчет их изящества: оленья шкура кишела клещами, а они, как известно, – разносчики инфекции, от которой можно лишиться рассудка, потерять память или заполучить отек ног. Или обвисшие, как у бассет-хаунда, щеки.

Именно поэтому, когда олени, грациозно опустив головы, щипали траву, кто-нибудь из нас обязательно принимался их дразнить. Подбегал к ним, улюлюкал и размахивал руками. И нам доставляло удовольствие наблюдать их смятение. Высоко поднимая колени, животные в испуге пускались прочь. При виде оленьего бегства их преследователи шумно радовались.

Но не я. Я молчала. Мне было их жалко. Не их вина, что они стали разносчиками заразы.

Наверное, люди в глазах оленей – чудовища. Не все, конечно. Как правило, при виде человека олень настораживает уши и замирает в ожидании. Ждет подвоха. Но сам не таит в себе зла.

«Ты кто такой? – как бы спрашивает его взгляд. – И что тебе от меня нужно?»

И в ответ слышит: «Ты – труп».

После чего олень падает на колени.

* * *

На летний отдых они захватили с собой домашних питомцев – трех собак и кошку, злобную сиамку с проблемной кожей. Точнее, страдающую себореей. Собак мы наряжали в одежду, которую тайком вытаскивали из плетеной корзины для грязного белья, а вот кошка нам не давалась. Царапалась.

Одну собаку мы как-то раз размалевали помадой и голубыми тенями, что на белой морде было отлично видно. Нам вообще нравилось оставлять яркие следы. После этой выходки мы вернули косметику обратно в сумку, принадлежавшую одной из наших матерей, и позже с удовольствием наблюдали, как владелица сумочки (не абы какой, а от *Fendi*), ни о чем не подозревая, красится этой помадой. Отрада глаз.

Однажды мы решили устроить представление с участием собак и за неимением других зрителей пригласили родителей. Но животные, исполнявшие роли двух солдат и барышни в пышном кружевном бюстгальтере, не желали слушаться и отказывались выполнять команды. Солдаты оказались трусами, по правде говоря дезертирами. Сделали ноги, стоило зазвучать призыву к бою (оглушительный клаксон, би-бип!).

А барышня обмочилась.

– Бедняжка, она от испуга писается, – воскликнула чья-то пухлая мамаша. – Случайно, не на персидский ковер?

Чья это была мать? Трудно сказать. Никто не сознался бы, конечно. А представление пришлось отменить.

– Ну признайся, это же твоя мать! – один из нас вытягивал признание из другой (парень по имени Рейф из девочки по имени Саки).

Комната к тому времени опустела: взрослые ушли, оставив бокалы, фужеры и пивные бутылки. Не теряли время зря – осушили все до дна.

– А вот и нет, – твердо заявила Саки, помотав головой.

– Тогда которая? Та, что с большой задницей? Или косолапая?

– Ни та и ни другая. Отвали.

* * *

Особняк построили в XIX веке стремительно обогатившиеся промышленные магнаты, чтобы в теплое время года устраивать себе отдых с королевским размахом. Наши родители – достойный пример для подражания – бесцельно слонялись по просторным апартаментам. Чем были заняты их мысли, неизвестно. Да нас это и не интересовало.

Они не прочь были выпить: такое избрали себе увлечение, а возможно, как заметил один из нас, – религию. Пили родители вино и пиво, виски и джин, а еще текилу, ром и водку. В полуденный час они уже спешили пропустить по маленькой. Кажется, лишь алкоголь приносил им удовольствие. Или, во всяком случае, придавал сил. По вечерам они собирались вместе, поесть и еще выпить.

Единственной трапезой, на которой от нас требовали присутствия, был ужин, и он вызывал у нас отвращение. Родители сажали нас за стол и заводили беседу ни о чем. Унылый разговор тянулся бесконечно. Давил и вызывал оцепенение. Родительские речи были настолько скучны, что приводили нас в отчаяние, а спустя минуты – и в ярость.

Разве не знали они, что существуют по-настоящему важные темы? Вопросы, которыми стоит задаваться человеку?

Если кто-то из нас заговаривал о чем-то серьезном, они отмахивались.

«Извините, можномнеуйти...»

После нашего ухода тон их разговора повышался. Не сдерживаемые нашим присутствием, родители расслаблялись, и мы слышали какой-то резкий хриплый лай. Очевидно, то был смех. Он разносился во все стороны с веранды, увешанной бамбуковыми факелами, к которой подступали заросли папоротников и где стояли садовые качели, траченные молью кресла и голубые ловушки для насекомых. Его было слышно из наших домиков на деревьях, и с теннисных кортов, и с поля с ульями, за которыми днем, бормоча из-под сетки защитной шляпы, ухаживала медлительная женщина-пчеловод, жившая по соседству, и из заброшенной теплицы с потрескавшимися рамами, и от озера с прохладной черной водой, где мы устраивали полуденные купания в одном белье.

Мне нравилось бродить по залитому лунным светом участку с фонариком: его луч натянулся на стены и белые оконные ставни, на брошенные в траве велосипеды и автомобили, застывшие у полукружия широкой подъездной дороги. Когда до меня доносился хохот, я недоумевала: неужели один из них действительно смешно пошутил?

Наступил очередной вечер, и родителям взбрело в голову устроить танцы. По их обрюзгшим безвольным телам пробегала искра жизни, заставляя их дергаться. Жалкое зрелище. Они неуклюже дрыгались, включив на полную катушку какое-то старье: «Бей, бей, бей бандита бейсбольной битой».

Те, в ком совсем не осталось жизненной энергии, наблюдали за танцующими, не поднимаясь со своих кресел, – дряблые, ничего не выражающие, в сущности, мертвые лица.

Но за них хотя бы не было так стыдно.

Некоторые парочками нетвердым шагом пробирались на второй этаж, в спальни. Мальчишки подглядывали за ними в дверные щели. Смотрели, что они там вытворяют.

Временами это возбуждало. Я знаю. Хотя мальчишки в этом не сознавались. Но чаще вызывало отвращение.

Большинство из нас осенью должны были пойти в старшие или выпускной классы; другие еще не достигли полового созревания – мы все были разного возраста. В общем, одни все еще были целомудренны, другие вытворяли то же, что и родители. Но собственные шалости не казались нам отвратительными.

* * *

Мы скрывали друг от друга, кто чьи родители, и относились к этому со всей серьезностью. Порой отец или мать подходили слишком близко, что грозило нам разоблачением и раскрытием тайны семейных уз. Мы старались поскорее от них сбежать.

Но, чтобы себя не выдать, приходилось соблюдать осторожность. Поэтому вернее будет сказать, что мы делали все, чтобы улизнуть незаметно. У меня имелся свой способ. Я притворялась, что вижу кого-то в соседней комнате, и с заинтересованным видом как можно естественнее направлялась к этому воображаемому персонажу. Выходила за дверь. И исчезала.

В начале июня, в первую неделю отдыха, несколько взрослых поднялись по лестнице на скрипучий чердак, служивший нам спальней: немногие из нас спали на кроватях, но большинство на полу. Мы слышали голоса, обращенные к младшим: «Мы пришли укладывать вас спатеньки».

Мы попытались спрятаться, то есть с головой укрылись одеялами, кто-то даже нагрубил. Родители удалились, вероятно оскорбленные в своих лучших чувствах. Мы повесили на дверь табличку «Родителям вход воспрещен», а утром вызвали их на серьезный разговор.

– В вашем распоряжении весь дом, – начал Терри спокойно, но с напором. – У вас есть свои спальни, собственные ванные комнаты.

Он носил очки, был приземист и держался весьма надменно. Он стоял во главе стола, сложив руки на груди, и говорил взвешенно и авторитетно.

Родители пили кофе. Слышалось хлюпанье.

– А у нас одна комната. На всех. Одна-единственная комната! – с нажимом сказал Терри. – Ради всего святого. Оставьте нам это благословенное пространство, крохотный его клочок. Представьте, что чердак – это резервация. Вы – белые завоеватели, жестоко вырезавшие наш народ. А мы – индейцы.

– Коренные американцы, – поправила чья-то мать.

– Бестактная метафора, – сказала другая. – В культурном плане.

* * *

– Что, чья-то мать косолапит? – спросила Джен. – Ха, не замечала.

– А что такое косолапить? – спросил Лоу.

На самом деле его звали Лоренцо, но это чересчур длинно; к тому же он был выше всех нас, поэтому мы прозвали его Коротышкой Лоу. Собственно, кличку придумал Рейф, а Лоу не спорил.

– Когда как будто подвернул ногу, – пояснил Рейф. – И приходится носить ботинок на толстой подошве, знаешь? Наверняка та толстуха – мать Саки.

– Ну да, конечно... Не угадал, – сказала Саки. – Моя мать гораздо круче. Сто очков вперед даст этой тетке.

– Но не может же она быть ничьей матерью, – возразил Лоу.

– Ну почему, может, – сказала Саки.

– Есть же одинокие взрослые, – высказался Джуси. Это прозвище он получил потому, что у него изо рта постоянно сочилась слюна. Он обожал плевать.

– И бездетные пары, – сказала Джен. – Бесплодные. Какая печаль.

– Которым суждено умереть без потомства, – подхватил Терри, мнивший себя остряком. На самом деле его настоящее имя сопровождал порядковый номер третий. На латыни – «Терций». «Терция» затем сократили до «Терри». Само собой, родители так его и называли.

Он вел дневник, в который, по всей вероятности, записывал свои переживания, что служило объектом всеобщих насмешек.

– Да, но я видел, как толстуха обжималась на кухне с отцом Саки, – сообщил Рейф.

– Неправда, – сказала Саки. – Мой отец умер.

– Да. Давным-давно, – кивнула Джен.

– И бесповоротно, – отметил Дэвид.

– Значит, отчим. Велика разница, – сказал Рейф.

– Они не женаты.

– Формальность.

– Я тоже их видел, – сказал Лоу. – Она положила руку ему на штаны. На ширинку, прямо туда. У мужика сразу встал.

– Гадость, – сказал Джуси. И сплюнул.

– Черт возьми, Джус, мне чуть на ногу не попало, – возмутился Лоу. – Минус один тебе.

– Нечего в сандалетах рассекать, – сказал Джуси. – Сандалеты – отстой. Тебе минус.

Мы разработали систему очков, даже нарисовали на стене таблицу. За успешную проделку ты получал плюс, за поведение, считавшееся позорным, – минус. К примеру, Джуси зарабатывал плюсы на том, что незаметно плевал в коктейли, а Лоу минусы – на том, что заискивал перед отцом. Вероятно, даже не перед своим – кто его родители, он держал в тайне. Но его засекли рядом с одним плешивым мужиком – Лоу советовался с ним, во что ему одеться.

Лоу, этого верзилу монгольских кровей с лицом младенца, усыновили из Казахстана. Он одевался хуже всех, по моде семидесятых, – в вареные майки-алкоголички и короткие шорты с белым кантом. Иногда даже махровые.

* * *

Нам бы не удалось так успешно вести игру, скрывая, кто чьи родители, не будь с их стороны полного отсутствия интереса к нам, детям. Они придерживались политики невмешательства.

– А где Алисия? – раздался женский голос.

Алисия была старшей из нас, ей исполнилось семнадцать, и она училась на первом курсе колледжа.

– С приезда ее не видела, – продолжал голос. – А сколько уже прошло? Две недели?

Разговор доносился из столовой, где мы завтракали. Мне очень нравилась эта комната с длинным дубовым столом и тремя сплошь стеклянными стенами. Через них можно было любоваться, как поблескивает озерная гладь или меж колышущихся ветвей древней ивы, в тени которой стоял особняк, пробиваются солнечные лучи.

Но путь туда нам был заказан: каждое утро ее занимали родители.

Я попыталась опознать интересующуюся Алисией мать, но, когда протиснулась в дверь, разговор уже свернул на другие темы: новости о войне, трагический аборт знакомой.

Алисия ушла в самоволку в соседний город, до которого ее подвез садовник. В городке смотреть было нечего: заправка, аптека, почти всегда закрытая, и дешевая забегаловка – вот

и все достопримечательности. Но в этом захолустье ее ждал бойфренд. На пару десятков лет старше самой Алисии.

Мы прикрывали ее как могли.

– Алисия принимает душ, – в вечер побега объявила за столом Джен.

Мы внимательно следили за выражениями лиц родителей, но те демонстрировали идеальный покерфейс.

На следующий вечер Дэвид заявил:

– Алисия в постели, у нее болит живот.

На третий Саки сказала:

– Извините, но Алисия не спустится к ужину. Не в настроении.

– Девочке надо лучше *питаться*, – натывая на вилку жареную картофелину, высказалась одна дама. Была ли это ее мать?

– Худа как щепка, – сказала другая.

– А она, случайно, не увлекается этим... ну, два пальца в рот? – спросил чей-то отец. – Чтобы не толстеть?

Обе женщины покачали головами. Личность матери так и осталась загадкой.

– Может, у Алисии сразу две матери? – спросил позже Дэвид.

– Две матери, а что, все может быть, – сказала Вэл, неразговорчивая девчонка, похожая на мальчишку, которая если и открывала рот, то только чтобы повторить сказанное другими.

Вэл была такой маленькой и худой, что невозможно было точно сказать, сколько ей лет. В отличие от остальных она приехала откуда-то из глубинки и больше всего любила лазать, по крышам, по деревьям – неважно, лишь бы повыше, и делала это виртуозно.

– Не ребенок, а чертова обезьянка, – однажды отозвался о ней один из мужчин, наблюдая за тем, как она карабкается вверх по иве.

Компания родителей выпивала на веранде.

– Гиббон, – сказал другой. – Или берберская обезьяна.

– Белоплечий капуцин, – предложил третий.

– Карликовая игрунка.

– Детеныш черного ринопитека.

Женщине это надоело.

– Заткните хлебала, – огрызнулась она.

С родителями мы вели себя строго и чуть что применяли карательные меры: воровство, насмешки, порчу еды и питья.

Они этого не замечали. А мы считали, что наказания соответствуют совершенным преступлениям.

Хотя самое страшное их преступление не поддавалось определению, а следовательно, и справедливому наказанию, и этим преступлением было само их существование. Их внутренняя сущность.

* * *

Зато к вещам мы относились с глубоким почтением. К примеру, мы уважали дом – величественную старую крепость, наш замок, нашу цитадель. Хотя того, что находилось внутри дома, это не касалось. Кое-что мы взяли и уничтожить.

Тот, кто к концу недели накопил больше всего плюсов, мог выбрать себе мишень. Какой безделушке не повезет. Набиралось несколько вариантов.

Вариант первый: фарфоровая статуэтка розовощекого улыбающегося мальчика в штанишках до колена, с корзиной яблок в руках.

Вариант второй: розово-зеленая вышивка – одуванчик с надписью по кругу: «Сделай медленный вдох. Выдохни. Выпусти свои мечты – пусть растут на воле».

Вариант третий: толстая утка с выпяченной грудью, жутко пустым взглядом и криво намалеванным смокингом.

– Жирный гомик. Попсовый педрила. Вылитый Фрэнк Синатра, – разошелся Джуси. И заржал как ненормальный.

Рейф, гордившийся своей нетрадиционной ориентацией, назвал его придурком и приказал захлопнуть пасть.

В ту неделю победа досталась Терри, и он избрал жертвой мальчика с яблоками. Взял из сарая молоток и размозжил ему голову.

Но дому мы никогда не причиняли вреда. Рейфу нравилось заниматься поджогами, но он ограничивался теплицей: дровами служили хоккейные клюшки и молотки для крокета. Как-то раз он запалил костер на опушке леса и расплавил садового гнома. Фигурка задымилась, и поднялась страшная вонь. Один папаша, сидевший на веранде, заметил над верхушками сосен черную струю дыма и, встревожившись, даже поднялся на ноги с бокалом сухого мартини в руке.

Но дым вскоре рассеялся.

Мы уважали озеро и реку, а больше всего океан. Облака и землю, покрытую жесткой травой, из-под которой то вылетал рой ос, то проглядывала колония муравьев, то мелькал кустик черники.

Мы уважали домики на деревьях – замысловатую сеть ладно сколоченных конструкций, устроенных в вышине среди крон. Между домиками с крепкими крышами и лестницами были перекинуты веревочные мостики, так что над землей висела целая небольшая деревенька.

Предыдущие обитатели домиков оставили после себя выцарапанные на деревянных досках рисунки, имена и инициалы. По мне, эти старые надписи напрочь разрушали все очарование места. Может, их вырезали отпрыски тех самых промышленных магнатов, королей древесины, стали или шпал, дочери которых давным-давно превратились в матерей семейств, отрасли тройные подбородки и обосновались где-нибудь в фешенебельном районе Манхэттена.

Я любила иногда отдыхать наверху, усевшись на краю одной из платформ рядом с остальными. Ребята болтали ногами, потягивали газировку из жестяных банок или пиво из бутылок. Лениво кидались галькой в бурундуков (позже малыши положили этой забаве конец, объявив ее жестоким обращением с животными). Мы причесывали друг другу волосы, писали что-то друг другу на джинсах, красили ногти. Пробовали нюхать клей, найденный в так называемой комнате для досуга. Кайфа от него не было.

Я смотрела на инициалы и чувствовала себя одинокой, хотя была не одна. Будущее приближалось стремительно и неумолимо. Часики тикали, и мне их тиканье совсем не нравилось.

Разумеется, нельзя вечно оставаться молодым. Но отчего-то верилось в это с трудом. Что ни говори, ноги и руки у нас были крепкими и ловкими. Теперь мне это ясно. Животы – упругими и без складок, лбы – без морщин. Если мы хотели бежать, то бежали быстрее ветра. Энергии нам было не занимать – будто мы вчера родились и не успели ее растратить.

Относительно, конечно.

Очевидно, навсегда таким не останешься. Умом мы это понимали. Но мысль о том, что родители, эти живые груды человеческого мусора, теньями бродящие по огромному дому, – это мы в будущем, вселяла ужас: боже упаси!

Они вообще когда-нибудь к чему-нибудь стремились? Или хотя бы имели чувство самоуважения?

Они нас позорили. Служили нам назиданием.

* * *

Наши родители сдружились в колледже, но потом потеряли друг друга из виду, пока не выбрали для воссоединения это лето, долгое до бесконечности. Один из них выразился: «Гуляем, как в последний раз». Звучало, как плохо сыгранная реплика в глупой пьесе. Другой со всей серьезностью заявил: «В следующий раз увидимся только на чьих-нибудь похоронах».

Никто даже не улыбнулся.

Сохраняя анонимность, мы написали, кто из них кем работает, и сложили записки в шляпу. Это был складной цилиндр, который мы выудили из шкафа с игрушками, где хранилось множество древних раритетов (мы нашли там клаксон, духовые ружья и затертую до дыр «Монополию»). Названия профессий мы написали заглавными буквами, чтобы нас нельзя было опознать по почерку, а потом вытягивали из шляпы бумажки и зачитывали их вслух.

Некоторые преподавали и имели право на три месяца летнего отпуска. Другим приходилось бывать в особняке наездами и мотаться на работу. Один психолог, один гинеколог (хриплый хохот Джуси, после чего Саки заехала ему по колену: «Что, какие-то проблемы с вагиной? Так произнеси: вагина. Ва-ги-на»). Один работал архитектором, еще один занимался кинорежиссурой (на бумажке было написано, что он снимает фильмы про педиков. «Минус за гомофобию, – сказал Рейф. – Когда узнаю кто, тому латенту, который это написал, будет большой минус. А потом взбучка в довесок. Молись, чтоб это оказался не ты, Джуси»).

Само собой разумеется, наши родители были образованными людьми, не чуждыми искусству, при этом далеко не нищими, иначе аренда такого дома оказалась бы им не по карману. Особняки задешево не сдают. Уж во всяком случае, не на все лето. Мы прикинули, что, вероятно, подвернулись один-два спонсора или же владельцы скостили цену за большой срок. Дэвид, технарь, который страшно скучал по своему оставшемуся дома навороченному компьютеру, проболтался, что его родители снимают жилье. Получил за это минус. Не за отсутствие собственного дома – финансового снобизма мы не выносили, – а за то, что распутил нюни и ударился в откровенность за бутылкой «Егермейстера», которую умыкнул у родителей.

Пить их пиво? А почему бы и нет, при любой возможности. Вести себя, как они, когда налакаются? Вот это уже минус один балл.

Ведь именно под хмельком, напившись, родители сбрасывали с себя защитные панцири. Без них они превращались в слизняков. Оставляли за собой липкий след.

Мать-ученый, отец-художник – такие родители были у меня. Мать читала лекции по теории феминизма, а отец лепил пышногрудых женщин и ярко раскрашивал им губы, грудь и интимные места. Иногда он добавлял изображения поселений, разрушенных войной или разоренных голодом. Половые губы могли являть собой развалины Могадишо, к примеру.

Он пользовался несомненным успехом.

* * *

Младшие братья и сестры были помехой в нашей игре и держали нас в постоянном страхе: мы боялись, что они проболтаются, кто чей ребенок. Младшие имелись у Джен, Дэвида и у меня.

Одиннадцатилетний брат Джен, послушный глухой паренек по имени Шел, мечтал, когда вырастет, стать ветеринаром. Спустя неделю после заезда он съел что-то не то и отравился. Родителям пришлось его выхаживать, так что опознание состоялось. Его мать сутулилась и носила брекеты, а отец забирал волосы в хвост. Разговаривая, он ковырял в носу. Говорил и ковырял, ковырял и продолжал говорить.

Мы считали, что от привычки совать палец в нос избавляются в начальной школе, но в случае отца Джен это правило явно не работало. С ума сойти.

Мы сочувствовали Джен.

Дэвид тоже слился почти сразу. Его сестры Кей и Эми, двойняшки из пробирки, ей-богу, те еще засранки, нашей игрой не интересовались. Они выдали Дэвида через пару дней, когда начали подлизываться к матери. Забрались к ней на колени, обняли за шею. Прижимались и шептали на ушко всякие милые глупости.

Мой младший брат, Джек, на фоне другой малышни казался особой королевских кровей среди плебеев. Когда он обжегся плющом, то пришел ко мне, не желая просить помощи у родителей. Я им гордилась. Джек понимал, что такое чувство долга.

Я приготовила ему ванну и прикладывала к зудящим от плюща ногам холодные компрессы. Растирала кожу розовой мазью и читала вслух любимые книжки. Он почти не жаловался, только повторял: «А все-таки чешется, Ева».

Конечно, я в Джеке души не чаяла. Я всегда любила его больше всех на свете.

Однако он все же был маленький, и я тревожилась, что он проболтается. Требовалась бдительность.

На определенном этапе мы приняли общее решение: рассказать родителям о нашей игре. Избегать их посредством тактических маневров становилось все труднее.

Разумеется, мы представили все в лучшем свете. Стоило ли рассказывать, почему мы начали эту игру? Говорить вслух о том, что родственная связь с ними казалась унижительной и была по нашему достоинству? Тем более упоминать, что, когда от факта родства было уже не отвертеться, мы чувствовали себя так паршиво, словно заболели.

Мы хотели чем-то себя занять. Так мы сказали. Разве это не они на все лето лишили нас самого дорогого и ценного? Разве не они конфисковали наши мобильники, планшеты и прочие гаджеты, отрезав нам цифровой доступ к внешнему миру?

Они заключили нас в аналоговую тюрьму, как выразился Дэвид.

* * *

Высшие инстанции проявляли к нам наибольшую благосклонность в волшебный час перед ужином – в неге легкого опьянения. В остальное время они обычно вели себя сварливо и на наши просьбы отвечали отказом, а после ужина надирались так, что на следующее утро уже ничего не помнили.

Время для выпивки и разговоров – так называли они этот час до ужина.

Тогда-то мы и подняли свою тему.

– Это игра такая, – сказала Саки.

– Социальный эксперимент, если хотите, – пояснил Терри.

По ходу наших объяснений кое-кто из родителей снисходительно улыбался, другие досадливо морщились. Но в итоге сказали, что все нормально. Они ничего не обещают, но постараются нас не наказывать.

– Еще мы планируем пойти в поход и пару дней пожить на пляже, – сообщил Рейф.

– Пожить с опорой исключительно на собственные силы, – добавил Терри.

– Погодите-ка, это уже другой разговор, – запротестовал чей-то отец.

Один из преподавателей. Историк, который специализировался на эпохе охоты на ведьм.

– Все вместе? – спросила чья-то мать.

Младшие кивнули, кроме Кей и Эми, двойняшек из пробирки, – те покачали головами.

– Нам же легче, – проворчал Дэвид.

– Но мы не взяли с собой палатки, – возразила еще одна мать.

Эта женщина занимала достаточно низкое положение в иерархии родителей. Носила длинные легкие платья в цветочек или с восточным орнаментом. Однажды танцевала пьяной и упала на горшок с растением. Расквасила себе нос.

Чувствовалось, что остальные родители смотрят на нее свысока. Если на стадо начнется охота, первой на погибель обрекут именно ее. Принесут в жертву напавшей львице, и та своей мощной челюстью порвет несчастную на куски. А затем стервятники равнодушно обглодают косточки.

Печально, ничего не скажешь.

Но все равно никто не хотел бы иметь такую мать. Нам было заранее жалко разиню, которого уличат в родстве с ней.

– Мы что-нибудь придумаем, – ответил Терри.

– Что придумаете? – спросила третья мамаша. – Закажете на *Amazon Prime*?

– Что-нибудь да придумаем, – повторил Терри. – Возьмем брезент из сарая. Не пропадем.

* * *

Под впечатлением от мастерского выступления Терри перед родителями Джен согласилась посидеть с ним тем вечером в теплице (в углу мы для комфорта свалили груды одеял). Сильная личность, Джен в некоторых вещах придерживалась чрезвычайно низких стандартов.

Чтобы не отставать, две другие девочки и я решили поиграть в «бутылочку» с Дэвидом и Лоу. В экстремальной версии, то есть вплоть до орального секса. Джуси было всего четырнадцать – он до нас не дорос, да еще и был слюнявый до ужаса, – а Рейф был геем, а не бисексуалом.

– Жаль, – огорчилась Саки. – Рейф очуметь какой красивый.

Потом Ди заявила, что играть не будет, так что остались мы с Саки. Ди боялась вертеть бутылку; как предположила Саки, эта тихоня, вероятно, никогда не брала в рот.

При всей своей застенчивости скромняга Ди выделялась пассивно-агрессивным поведением, была неврастеничкой и панически, на грани паранойи, боялась бактерий.

Со слов Саки, опять же.

– Подбери сопли, мышка, – сказала Саки. – Этому вполне можно научиться.

– Научиться? – переспросила Ди.

Саки заявила, что если надо кого за минуту довести рукой до оргазма, то она в этом деле виртуоз. Ди могла бы перенять у нее пару-тройку приемчиков.

На этих словах Саки парни выпрямились. Сосредоточились, прислушались.

Но Ди сказала, что она не такая.

К тому же после пришлось бы мыться.

Вэл тоже отказалась участвовать. Ушла залезть в темноте куда-нибудь повыше.

Родители играли в покер и препирались из-за того, что кто-то якобы считал карты: все знали, что одного из папаш в Лас-Вегасе как-то вышвырнули за шулерство из казино.

Младшие крепко спали.

Конечно, игра в «бутылочку» была так себе забава, но не сказать чтобы мы располагали особенно богатым выбором. Все наши телефоны родители убрали в сейф в библиотеке, а взломать шифр у нас не получалось.

Я была не в восторге, но, поскольку Ди выбыла, пришлось отдуваться. Мне еще повезло: выпал только поцелуй в засос с Лоу.

То еще удовольствие. На вкус его язык напоминал лежалый банан.

* * *

На следующий день мы отправились в путь. Потребовалось несколько часов, чтобы собраться и погрузить все вещи в лодки.

– Спасательные жилеты! – крикнула мать Джен. Она стояла на лужайке, в одной руке держа за горлышко бутылку вина, в другой – бокал. На ней был белый купальник в красный горошек. Со спины над трусами виднелась ложбинка между ягодицами, но еще смешнее выглядел верх: сквозь белые чашки просвечивали, как два темных глаза, соски.

– Да сколько можно, – поморщилась Джен.

– Наденьте спасательные жилеты!

– Обязательно. Боже правый, – сказала Саки.

Сами мы и не подумали бы заморачиваться из-за жилетов. Разве что для малышей. Но за нами наблюдали, поэтому я принесла их из лодочного сарая, целую грудку. Ярко-оранжевые, в черных крапинках плесени, они царапали кожу, и в них было не повернуться. Ничего, скроемся из виду – снимем. Не вопрос.

Мы отдали швартовы. Одни родители махали нам с веранды, другие столпились на причале. Опасаясь, как бы они в последний момент не передумали, мы налегли на весла. Ясное дело, нашелся полудурок, который заорал: «Ты не забыл ингалятор?» (в нашей компании было два астматика).

– Да заткнись ты! – взмолились мы, руками зажимая уши.

Никто из нас не желал другому бесславного окончания еще не начавшегося путешествия.

– А шприцы с эпинефрином взяли? – прокричала «непрестижная» мать.

Помнится, в библиотеке особняка мне попался фолиант по истории Средних веков. От страниц исходил приятный запах старой бумаги. В книге упоминались крестьяне, вроде бы крепостные. После знакомства с книгой эта мамаша в ее длинных одеяниях стала казаться мне крестьянкой.

Мы игнорировали крики родителей и гребли что было сил. Достали, блин.

– Ну не дебилы, а? – возмутился Лоу.

Я задумчиво посмотрела на него. Вспомнился банановый привкус.

– Зато мои – сама невозмутимость, – сказал Терри.

– А моим вообще глубоко наплевать, – похвастался Джуси.

Пока лодки удалялись от берега, родители не оставляли попыток до нас докричаться. Подавали какие-то знаки, несуразно всплескивая руками. Отец Джен что-то изображал на языке глухонемых, но Шел отвернулся, не желая видеть его жалких шевелящихся пальцев. Мать-крестьянка сиганула с причала. Хотела нас догнать? Решила искупаться? Нам было все равно.

Мы добрались до бухты и подняли весла. Поплыли вдоль берега к океану, по узкой полоске воды; весла то и дело наталкивались на препятствия, увязали в трясине на мелководье, и их приходилось вытаскивать.

Вода несла нас. Мы двигались вперед.

Мы поднимали лица к солнцу, закрывали глаза и нежились в тепле его лучей. Мы чувствовали, как с наших плеч спадает тяжесть, чувствовали блаженную свободу.

Летали, касаясь крылышками воды, стрекозы, сверкающие зелено-голубые вертолетики.

– Они девяносто пять процентов жизни проводят под водой, – поделился ценной информацией Джек. Он фанател от насекомых. И вообще от любой живности. – В виде куколок. То есть личинок. У куколок стрекоз здоровенные челюсти. Они опасные хищники.

– И что, тебе это правда интересно? – спросила Джен, склонив голову.

Беззлобно, просто рассуждая сама с собой. Мнение по поводу насекомых у нее еще не сложилось.

– Потом наступает день, когда они выходят из воды, превращаются в красавиц и учатся летать, – поведал Джек.

– А затем падают замертво, – подхватил Рейф.

– А у людей все наоборот, – заметил Дэвид. – Мы, прежде чем упасть замертво, превращаемся в уродов. За десятилетия до смерти.

Да, факт известный.

Стрекозы продолжали беззаботно летать вокруг, лишней раз напоминая нам о вселенской несправедливости.

– Слишком уж многое нам досталось даром, – заявил Терри с носа лодки.

Он попытался встать, но Рейф сказал, что лодка вот-вот перевернется, и Терри снова сел на место.

– Да, нам многое даровано, – вещал он нравоучительным тоном, средним пальцем поправляя очки на носу. – Мы потомки обезьяноподобных людей. У нас противопоставленные большие пальцы. Сложный язык. Как минимум подобие разума. Но за все приходится платить, – продолжал он.

И рассказал, что, подглядывая за родителями из-за дверей в их спальнях, поражался степени их уродства. Жирные животы, обвисшие груди. Двойные задницы: яма, шишка, снова яма. Набухшие вены. Заплывшие жиром спины, напоминающие пирамиды из пончиков. Красные пористые носы с торчащими из ноздрей черными волосами.

– Мы наказаны средним возрастом, за которым следует долгий период увядания, – с грустью констатировал Терри. – Наш вид – в демографическом отношении, – поправился он, – продолжает цепляться за жизнь, хотя срок годности организма давно миновал. Человечество вырождается, превращается в пагубу, в скверну. В усохший придаток природы. И такова наша будущая участь.

Но, спохватился он, чтобы завершить речь на вдохновляющей ноте, мы должны плюнуть на все это. Мы должны собраться с духом. Найти в себе силы и, подобно Икару, подняться на блестящих крыльях выше своих отцов и устремиться ввысь, к самому солнцу.

Какое-то время мы обдумывали его слова.

Звучало ничего так, но больно размыто.

– Ты в курсе, что крылья у него начали плавиться по его собственной дурости? – спросил Дэвид. – Отец у него был гениальным инженером. Говорил сыну держаться не слишком высоко и не слишком низко, потому что наверху жарко, а внизу – влажно. Крылья-то были круче некуда, чувак. А Икар чихать хотел на все инструкции. Полное чмо.

2

Когда мы добрались до дельты реки с ее многочисленными отмелями, нас ждал неприятный сюрприз: на облюбованные нами берега высадились незванные оккупанты.

Раньше, когда мы доплывали до океана, на безлюдных дюнах нас встречали лишь птицы да колышущиеся травы. Мы спокойно бродили вдоль воды, ведь вся береговая линия, где селились крабы-отшельники и валялись выброшенные течением ветки и водоросли, безраздельно принадлежала нам.

А теперь там обосновались чужаки. Поставили гриль. Ветер разносил по округе аромат жареного мяса. Из песка торчали яркие пляжные зонтики в красно-белую полоску.

Откуда они здесь? Сюда можно добраться только на лодке... Ага, так и есть: на воде неподалеку от берега покачивалась великолепная яхта в кремово-золотистых тонах.

На пляже играли в волейбол подростки.

Как ни печально, вариантов борьбы с захватчиками мы не предусмотрели. И моральным преимуществом не обладали. Место было общее.

Досадно.

Но ничего. Надо набраться терпения, и вскоре после захода солнца мы останемся одни. А пока мы по другую сторону от отмели устроили временное убежище: шатер без стен и с крышей из потрепанного брезента, который снизу отваливался целыми кусками.

Брезент мы привязали к кустам, росшим по краю дюн, и укрепили конструкцию удочками и лыжными палками. Вышло не очень надежно: стоит ветру подуть посильнее, крыша сорвется. У нас были с собой спальные, вместо подушек подложим под голову свернутую одежду. Пускай поселенцы спят на своих роскошных койках, зато мы до самого рассвета будем полновластными хозяевами этой империи соленой воды и песка.

Перекусывая размокшими бутербродами, мы наблюдали за тем, как наши соседи, наевшись жареного мяса, складывают полосатые зонтики.

Секундочку! А это еще что?

От яхты отделилась блестящая моторная лодка и затарахтела в сторону мелководья. На берег с ловкостью заправских моряков выпрыгнули люди в белой форме с какими-то тюками. И скоро на песке выросли элитные перламутрово-бежевые палатки из лоснящейся ткани в тон яхте. Фирменные логотипы, удобные навесы над входами и гарантированная защита от дождя. Четыре в ряд. Маленький городок над полосой прибой.

Палатки – загляденье.

Потрясенные, мы наблюдали, как ребята с яхты обнимались с родителями и желали им спокойной ночи. Лодка с брызгами отчалила. Туристы сложили небольшой костер и уселись вокруг на одинаковых походных стульях. Над огнем они держали металлические шампуры для маршмеллоу – и те покупные.

Ну и ладушки. Мы тоже разведем костер. Огромный и величественный. И рядом с нашим их костерок покажется лилипутским.

Мы притащили поленья и старые номера газеты *New York Observer*, которые захватили для розжига. Рейф припас канистру с бензином. (Маршмеллоу – это для детишек. Да мы его и не прихватили.) Груда дров для костра получилась внушительная. Сверху я водрузила предмет, подлежащий сожжению: Джуси, победивший в прошлом соревновании, привез с собой антикварную розовую хрюшку в чепчике. С длинными ресницами.

Взметнулись вверх языки пламени. Черный едкий дым от смеси бензина и краски (вероятно, не обошлось без примеси свинца) потянулся в сторону ребят с яхты. И поделом, сказал Рейф. Словно ведьмы, мы стояли над огнем и мерзко хихикали.

Некоторое время спустя в темноте засветились огоньки налобных фонариков. Ребята с яхты – загорелые тела, шорты идеальной длины – смело перешли дельту вброд и теперь приближались к нам. Некоторые из нас гордо встали на ноги. Остальные робко втянули головы в плечи.

– Здорово, народ! – окликнул нас высокий парень, возглавлявший шествие: светлая копна волос, закрывающая лоб; рубашка поло... Ни дать ни взять картинка с рекламного щита модной одежды *Abercrombie & Fitch*. – Чуваки, у вас обалденный костер! А у меня травка есть. Дунуть не желаете?

Ухмылка до ушей.

– Еще бы, – сказал Джус.

И наша империя пала.

* * *

В тот период жизни я пыталась смириться с мыслью, что этому миру – во всяком случае, каким я его знала, – приходит конец. И пыталась не я одна.

Ученые утверждали, что конец уже близок, философы – что он никогда и не был далек.

Историки говорили, что темные времена случались и прежде, но миновали, и, если их перетерпеть, наступает эпоха просвещения, а за ней – широкий выбор продукции *Apple*.

Политики уверяли, что все обойдется. Принимаются необходимые меры. Человеческий гений втравил нас в эту неразбериху, но он же нас из нее и вытащит. Правда, придется чуть больше автомобилей перевести на электричество.

Вот почему сомнений не осталось: дела плохи. Ложь политиков бросалась в глаза.

Разумеется, мы знали, кто в ответе за надвигающуюся катастрофу: все было предрешено еще до нашего рождения.

Я не знала, как сообщить обо всем этом Джеку. Мальчик он был чувствительный, нежный. Полный надежд и страхов. Ему часто снились кошмары, в которых кто-то мучил кроликов, а его друзья оказывались жадинами. Он просыпался, хныча: «Крольчик, крольчик!» или «Донни! Сэм!» – и мне приходилось его успокаивать.

Конечно, известие о близком конце света станет для него ударом. Но это как с Санта-Клаусом. Однажды он все равно узнает правду. И если не от меня, то чем я буду лучше лжецов-политиков?

Родители придерживались тактики отрицания. Нет, они не спорили с данными науки, – все же они были либералами. Скорее они отрицали реальную действительность. Другие отправляли своих детей в специальные лагеря – счастливики, им повезло научиться вязать узлы, чинить моторы и даже обеззараживать воду без химических фильтров.

Но большинство вели себя легкомысленно: день прошел, и слава богу.

Мои родители предпочитали скрывать от Джека правду, хотя кое о чем он уже догадывался: во втором классе учительница проболталась про гибель белых медведей и таяние ледников. Про шестое массовое вымирание фауны. Джека особенно волновала судьба пингвинов. Он был на них помешан. Знал все виды, мог нарисовать представителя каждого и бегло перечислить все в алфавитном порядке.

Напрашивался обстоятельный и серьезный разговор один на один. Но когда?

Я оттягивала эту беседу. Парню всего девять. Он все еще путается, определяя время по часам со стрелками.

А тут еще эти ребята с яхты со своей аптечной марихуаной и накачанными телами. Наверняка ходят в одну и ту же частную школу и живут на юге Калифорнии, где-нибудь в Бель-Эйр, Пало-Верде или Палисейдсе.

Мы сразу поняли, что у них там жизнь совсем другая.

– А ваши предки уже обзавелись бункером? – спросил уже заторчавший альфа-самец. Они захватили с собой походные стулья (не на полотенцах же им сидеть).

– Бункером? – переспросила Саки и затянулась. Задержала дыхание. Пересела к нему поближе, чтобы и на нее пал отсвет сияния золотой молодежи. – Чтобы травку выращивать, что ли?

– А ты приколистка. – Альфа-самец слегка толкнул ее мускулистым плечом. Игриво. Его звали Джеймс. И никто не сокращал его имя до Джима.

– Знай наших, – сказала Саки, передавая косяк Джусу.

– Не, чтобы выжить, когда начнется светопреставление. Наш – в Вашингтоне, – сообщил паренек с пестрым платком на шее.

Неудачный выбор аксессуара. В вопросе моды он в их компании, похоже, занимал то же место, что Лоу в нашей.

– В штате, разумеется, не в городе, – добавил он.

– А наш в Орегоне, – сказал Джеймс. – Со здоровенной солнечной панелью. На вид не хуже электростанции Айванпа. *Одиннадцать* резервных генераторов.

Джус понятия не имел, о чем идет речь, но такие мелочи никогда его не останавливали.

– Да не, одиннадцать – это уже перебор, – изрек он.

Джеймс склонил голову, вежливо, но авторитетно пояснил:

– С инженерной точки зрения в организации бункера нет ничего важнее системы резервирования. Комплексы необходимо разрабатывать с расчетом на все потенциальные точки отказа.

– Без обид, – сказала я. – Но мы вот вообще не врубаемся.

– Говори за себя, – возмутилась Саки.

– Да? Ну хорошо, тогда просвети меня.

– Эй, Джек, – окликнула она моего брата. – Хочешь сладенького? Иди сюда. Ребята кое-чего принесли!

Классический прием: перевести внимание. Этим умением она владела в совершенстве.

– Мне надо в туалет, – жалобным голоском сообщил Джек.

– Иди пописай в океан, дружок, – сказал Джеймс. – Океан большой. С зашкаливающим уровнем *pH* он, может, и не справится, но с твоей мочой – без проблем.

Джек смущенно покачал головой.

Он читал книгу про страшных морских животных. Если пописать в открытую воду, по следу струи может приплыть какая-то мелкая шипастая рыбка и забраться внутрь пениса. Эти рыбы обитают в реках Амазонии. Очень может быть, что автор все это выдумал, но Джек читал книгу, когда ему было восемь лет, а сейчас, наверное, про нее вспомнил.

– Я его свожу, – сказала я и поднялась на ноги. Примерная старшая сестра.

– По-большому, – нетерпеливо прошептал Джек по дороге к дюнам.

– Потерпи, – сказала я. – Пойду захвачу туалетную бумагу.

Я вернулась к шатру и, пока при свете маленького фонарика шарила среди наших запасов, услышала обрывок разговора за костром.

– Говорят, у Мисси Т. убежище в Германии, – сообщил один парень с яхты другому. – Большой бункер под горой. Построенный еще Советским Союзом во время холодной войны.

– Не Союзом, а компанией «Вивос». С собственной железнодорожной станцией.

– С защитой от близкого ядерного удара.

– Старая добрая ядерная угроза. Прелесть какая.

– Ну.

– Да уж, по сравнению с климатической катастрофой ядерная – это так, цветочки. Все равно что бояться пушечного ядра.

– Или пращи.

– Или изогнутого лука гиксосов.

- Или серпов хананеев.
- Про хананеев я была не в курсе. Решила, что потом погуглю.
- У них там хранилище ДНК. А у твоих есть?
- Не-а. Зато у нас есть запас семян. Негибридных.
- Мисси... Да, народ, видать, больше нам не любоваться ее задницей. К тому времени самолеты уже летать не будут. Даже реактивный *Falcon 900* ее папаши.
- Прощай, управление воздушным движением. Прощай, Мисси.
- А жаль. Блин, сосала она, конечно, как никто.
- Точняк. Облом теперь.
- Надо держать Джека подальше от этих ребят.

* * *

Но парни с яхты обсуждали подготовку своих родителей к концу света только ночью, под расслабляющим действием травы сорта «оракл» – по восемьсот баксов за унцию, как сообщил нам Джеймс.

Днем они играли в пляжный волейбол. Часами. У них был прирожденный талант, и игра никогда им не надоедала. При взгляде на них сразу вспоминались летние Олимпийские игры и девчонки с лоснящимися телами в объективах фотокамер. Иногда они устраивали перерыв: бродили по дюнам или валялись на солнышке. Я думала, эта привычка осталась в двадцатом веке, но ребят с яхты рак кожи не волновал. Если они проживут достаточно долго, чтобы заработать меланому, то отметят это шампанским.

Две девицы и четыре парня. Нас было больше, но они превосходили нас силой. Даже навались мы все вместе, нам их не одолеть. Да что там, бессмысленно и пытаться.

Мы обернули все в шутку – это было единственное, что могло в такой ситуации спасти наше достоинство.

Периодически они отчитывались перед родителями, заискивая перед ними. Я слышала, как парень в шейном платке отпустил матери комплимент, похвалив ее отвратительное фиолетово-оранжевое парео.

Джеймс сказал, что родители служат им страховкой. Следовало поддерживать дипломатические отношения.

– Но слушай, они же не бросят вас, даже если вы будете вести себя как последние сволочи? – на второй вечер спросила Джен.

Родители с яхты появились ближе к полудню и до захода солнца сидели, попивая коктейли, в каком-то подобии паралича – не так уж сильно они отличались от наших, – а затем отправились пропустить по стаканчику на палубе. Обед и ужин, а также напитки из портативного бара на пляже им подавал вышколенный персонал яхты, состоящий из трех человек.

На яхте, как я заметила во время прогулки по пляжу, красовалась надпись «Кобра», золотыми буквами. Яхта была не арендованной, как особняк, а принадлежала отцу Джеймса – как он выразился, ВИ.

– Расшифровывается «венчурный инвестор», – назойливо проинформировал нас Терри, будто мы сами не знали.

Ну, строго говоря, я и правда не знала, но звучало в принципе знакомо.

Мать Джеймса была вычеркнута из жизни сына. Вероятно, она была жива, но стоило поинтересоваться, где она, взгляд у парня туманился. Отец обзавелся уже третьей женой, на четыре года старше самого Джеймса. Она модель, как сообщила девочка с яхты, Тесс.

Я отправила Джека спать. Он улегся в дальнем углу под навесом, рядом с Шелом, и при свете фонарика читал «Квака и Жаба», свою любимую книжку. Вторым в списке его любимых

шла серия про Джорджа и Марту: пару безобидных бегемотиков, платонически преданных друг другу.

Он мог читать книги гораздо более серьезные, без картинок, и любил их, но к своим первым питал ностальгические чувства.

– Вы же не перестанете быть их детьми, – настаивала Джен. – Они что, оставят вас тонуть за стенами своих убежищ, если разразится потоп?

– Дело в межличностном капитале, – пояснил Джеймс. – Предпочитаем его не разбазаживать. Только «отлично», не меньше. Безупречный послужной список. Ни пятнышка. Надо поддерживать высокий средний балл.

Саки сидела по одну руку от Джеймса, Джен по другую, а я – напротив всей троицы, нейтральная, как Швейцария. Лично я не испытывала никакого желания тусить с Джеймсом. Он был недурен собой, но чем-то напоминал маргарин. Обут в недавно купленные кроссовки, которые не успел даже разносить. Сам такой чистенький, что похож на рулон белоснежных бумажных полотенец.

– Но как вам все это сходит с рук? – недоумевала Саки. – Ну, дурь там. Секс. Это так, для начала. Вы накуриваетесь. Спите с кем попало. Что, у вас там, в Южной Калифорнии, такое поведение приносит высокий «средний балл»?

– Это мы пытаемся справиться со стрессом.

У Джеймса находился ответ на любой вопрос.

– Благоразумие – лучшая черта храбрости, – добавила Тесс. – Передайте-ка мне бонг.

– «Генрих Четвертый», часть первая, – откликнулся Джеймс, передавая сосуд. – Акт пятый, сцена четвертая. Фальстаф.

– Распространенная ошибка цитирования, – заявил парень с шейным платком. – Уж про-сти, Тесс. «Да, признак храбрости – благоразумье, и жизнь свою я сохранил лишь им»¹. Середина монолога Фальстафа.

Джеймс кивнул.

– Фальстаф притворяется мертвым на поле боя. А затем оправдывает свою трусость.

Ребята с яхты тоже вели свою игру. «Выучи Шекспира наизусть».

– Минус, минус, минус, – ворчливо отозвался Рейф.

* * *

К обеду третьего дня обнаружилось, что провизия подходит к концу. Кто-то не закрыл самую большую сумку-холодильник, и чайки, усевшись на бортики, разорвали своими мощными клювами пакеты с хлебом. Песок усеяли остатки фруктов и сыра, а вскоре и тех не осталось. Чайки – это вам не олени. Криками их не проймешь. Если они и улетали, то лишь для виду. И тут же возвращались обратно.

Садись на жарящееся на решетках мясо. Пожирали все, что могли.

И мы махнули на них рукой.

Я скорбела по утраченной пачке печенья, которую приберегала.

– Нам надо пополнить запасы, – объявил Терри, когда мы устали переключивать вину друг на друга. – Двоим надо пойти вверх по течению, к особняку.

– Или мы все вместе можем просто вернуться обратно, – предложил Рейф. – Я соскучился по нормальному туалету.

– Ну уж нет, – заявила Джен. – У нас с Джеймсом все только наклеивается.

Терри бросил на нее обиженный взгляд, на который Джен не обратила внимания.

– Давайте тянуть жребий, – сказал Дэвид.

¹ Пер. Н. Гумилева.

Соломинки мы нашли на дюне. Рвать ничего не стали – Джек предупредил, что мы не должны причинять вред растениям, – а аккуратно срезали травинки перочинным ножом. Короткие соломинки достались Терри и Рейфу. Они погрузили пустые сумки в лодку и погребли прочь. Терри явно дулся.

Когда лодка скрылась за бухтой, мы пошли к месту пиршества ребят с яхты – те лакомились рулетами из лобстеров. Ди нашла на кухонном столе санитайзер для рук и принялась натираться им, как средством для загара – ее собственные запасы, видимо, закончились. Мы с Саки и Джен взяли из холодильника ребят с яхты банки с газировкой и присели рядом с Тесс, под тень зонтика, а Лоу стоял над нами. На пляжном полотенце места больше не было.

– Наша последняя ночь, – сообщила Тесс, обмакивая креветку в красный соус. – Утром отплываем в Ньюпорт.

– Что, уже? – спросила Саки.

– Вот как? – отозвалась Джен.

У обеих в голосе слышалось разочарование.

– Предполагалось отплыть еще вчера, – сказала Тесс, продолжая жевать, – но Джеймс уболтал родителей остаться. Уж не знаю, чего ради.

Саки и Джен переглянулись. Саки отпила из банки, вытянула длинную ногу, растопырила пальцы и принялась крутить стопой. Джен выхватила из стаканчика Тесс креветку и сунула в рот.

Я долго не могла оторвать взгляда от черных креветочьих глазок.

– Того и гляди подерутся, выясняя, кому замутить с этим арийским мудаком, – сказал Лоу, когда мы шли обратно.

Ну надо же, теперь ребята с яхты оказались для него слишком белыми мажориками. Он же не кто-нибудь, а самородок казахских кровей. Лоу любил об этом напоминать. Специально штудировал историю, чтобы прихвастнуть знаниями о монгольской Орде. Отправил мазок изо рта в какую-то лабораторию генетического тестирования. По результатам выходило, что он доводится племянником Чингисхану.

За вычетом нескольких поколений. Но в целом так и есть, сказал он.

Мы Джеком пошли вдоль берега, чтобы он мог полюбоваться на моллюсков (литторина грубая, литторина гладкая, литторина обыкновенная, просветил он меня). Джек побаивался волн, поэтому, в отличие от меня, не бродил в приливной волне, а сидел часами у заводи, выглядывая рыбешек и прочих мелких созданий. Он осторожно возвращал на место каждый камень, переживая, как бы не ранить какого-нибудь краба.

А я сидела и смотрела на волны и небо. На морском берегу лучше занятия для меня нет. Я словно растворялась в воздушном и морском просторе. Устремляла взгляд все выше и выше, покидая земную атмосферу, и вот уже оттуда, из космоса, мне мерещилась наша планета. Такая, какой ее увидели высадившиеся на Луне астронавты.

Если можешь быть ничем, значит, можешь стать чем угодно. Когда молекулы моего тела рассеются, я навсегда останусь здесь. Буду свободной.

Буду частью безвременья. А небеса и океан станут мной.

Молекулы не умирают, подумалось мне.

Разве не этому нас учили на уроках химии? Что существует статистическая вероятность того, что с каждым нашим вдохом к нам в легкие попадают молекулы последнего выдоха Юлия Цезаря. Или Линкольна. Или наших дедушек и бабушек.

Молекулы меняются местами и перемешиваются. Частички, из которых некогда состояли другие люди, теперь движутся сквозь нас.

– Ева! – воскликнул Джек. – Гляди, я нашел плоского морского ежа!

Вот что было плохо с моими молекулами: моего брата они не вспомнят.

* * *

Когда мы вернулись, персонал яхты уже приступил к сервировке ужина. Небо перерезали бледные розовые полосы. Двое родителей с яхты купались – редкий случай! Из-за зарослей кустов и рогоза, обрамлявших устье бухты, в дельту вошла наша зеленая весельная лодка.

Но сидело в ней уже не два человека, а три.

– Кто это с ними? – шурясь, спросил Джек. Я тоже не могла разобрать.

Большинство наших ошивались у ребят с яхты – там можно было разжиться съестным и выпивкой. Около нашего шатра остались только Лоу и Вэл. Пока мы с Джеком, повесив на согнутые пальцы промокшую обувь, босиком пробирались по песку в их сторону, я заметила, что на берегу темнела какая-то хитрая конструкция.

Лоу и Вэл соорудили огромную конусообразную башню из песка. Над круглым основанием ряд за рядом поднимались спиралевидные уступы. По обе стороны от башни с кастрюльками и лопатками в руках стояли строители: волосы в песке, под ногтями грязь.

– Пригрезилась мне в видении, – сказал Лоу.

– В видении, – повторила Вэл.

– Башня, – сказал Лоу.

– Да уж вижу, – отозвалась я.

– Классная, – задрал голову вверх, восхитился Джек.

– Ага, – сказал Лоу и повернулся в сторону приближающейся лодки. – Погодите, а это не Алисия?

Мы уж и забыли, как она выглядит.

Поджидая, когда лодка подплывет ближе, мы приветственно замахали руками. Рейф поднял весла, Терри, перемахнув через борт, вытащил лодку за нос на берег, и вот на песок аккуратно ступила Алисия в длинном шелковом платье и серебристых балетках.

Под океанским бризом ее легкое платье облепило тело. По бокам от впалого живота выпирали костлявые бедра.

Мне вспомнилось виденное однажды изображение священных коров Ганга, доведенных до истощения.

– Что за прикид? – спросила я.

– Было не до переодевания, – бросила она. – Пришлось быстро сматываться.

Она скинула туфли, стянула через голову платье и осталась в кружевном лифчике и трусах, едва прикрывающих зад.

С яхты в нашу сторону уже пялились мужики.

– Ева! – театрально зашептал Джек. – Она же голая.

– Послушай-ка, малыш, – сказала Алисия, – как там тебя?

– Джек.

– Да, точно. Так вот, Джек, если хочешь, я могу показать тебе, что значит быть голой. И выглядит это иначе. Видишь эту полоску ткани? Называется «нижнее белье».

– Но я вижу твои *гениралши*.

– Значит, сегодня твой счастливый день, Джек.

Она отвернулась от нас и, пробежав по мелководью, бросилась в воду. Нырнула с грациозностью дельфина и поплыла кролем, рассекая волны. Папаши с яхты чуть шеи не свернули.

– Почему сегодня мой счастливый день? – спросил Джек.

Я взъерошила ему волосы.

– Короче, она развлекалась в местной забегаловке с каким-то папиком, – поведал Рейф, выбираясь на песчаный берег с крошечным холодильником. – Танец на коленях, все дела... И

тут входит ее отец и закатывает скандал. Требуется арестовать мерзавца. Угрожает подать в суд. За изнасилование. Несовершеннолетней, понял?

– Изнасилование, – поддакнула Вэл. – Несовершеннолетней.

– Тот давай оправдываться, что, типа, он думал, что ей двадцать четыре. Но главный прикол в другом. Оказалось, что ее отец сам туда приперся на свидание с какой-то бабой из Тиндера. И Алисия это знала, потому что видела эту бабу, когда просматривала на телефоне его фотки. Ну, Алисия вся такая: мамочке вряд ли это понравится, как ты думаешь? Так что давай оба держать язык за зубами. Натуральный шантаж.

– Шантаж. Натуральный, – согласилась Вэл.

Мне не очень понравилось, как Алисия обошлась с Джеком, но ее умение постоять за себя вызывало восхищение.

* * *

С яхты пришло приглашение: перед тем как яхта отчалит от наших берегов, в последний вечер на борту «Кобры» состоится вечеринка. Приглашаются все.

Готова поклясться: порыв гостеприимства подстегнуло присутствие Алисии.

Пойти хотели все девочки, кроме Вэл, а парни – за исключением Рейфа, известного любителя роскоши, – поначалу не выразили особого желания.

Завязался спор.

– Ребята, это братание с врагом, – заявил Лоу.

Я была склонна с ним согласиться, хотя в последние дни к чувству симпатии к Лоу у меня примешивался оттенок отвращения – легкий, но стойкий: во рту неизменно возникал банановый вкус. И раздражение, близкое к сожалению: избавься Лоу от бананового запаха и поменяй шмотки на менее уродские, сошел бы за приятного парня.

Это наводило на мысль о том, насколько тонка грань, отделяющая привлекательное от отвратительного, но раз уж она существует, никому не хочется ее переступить.

В одном Лоу был прав: яхта кишмя кишела родителями, такими же мерзкими, как наши, если не хуже.

– Чего ты боишься? – спросила Саки. – Кишка тонка? Характера не хватает?

Яхта, парень с внешностью модели и последний вечер под «оракл» – пропустить такое много хуже, чем брататься с врагом, заявила Саки. Все равно что выстрелить себе в ногу.

Джек не жаловал вечеринки, разве что с надувным замком-батуттом и тортом. Он с большим удовольствием посидел бы за сборником историй о Кваке и Жабе, а потом полистал бы еще одну книгу.

– Чья-то мамаша дала, – объяснил он. – Типа книги на лето. Сказала, что я обязательно должен ее прочитать.

Джен нацелилась во что бы то ни стало попасть на вечеринку, а значит, кому-то надо было присмотреть за Шелом. Так что мне вечеринка на яхте не светила.

Досадно.

Матросы собрали навороченные бежевые палатки в аккуратные маленькие свертки и погрузили их в моторную лодку; туда же забрались и ребята.

– Прощай, – сказал мне Джеймс, прежде чем подняться на борт.

Мы обменялись рукопожатиями.

– Боюсь, больше мы не встретимся. Расстаемся навеки.

– О'кей, – сказала я.

– А какой у тебя снапчат?

– Мне не разрешают в нем сидеть.

– А инстаграм?

Когда солнце начало клониться к горизонту, лодка вернулась за нашими. Я смотрела с берега, как на носу, подобно резной корабельной фигуре, стоит босоногая Алисия в тонком платье. Лодка набрала скорость, и черные волосы Алисии разлетелись на ветру.

Никакого спасательного жилета на ней не было. Остальных пассажиров штурман заставил сесть, надев громоздкие оранжевые штуковины, в которых невозможно дышать, но ей даже не заикнулся о правилах. Видно, оробел.

Ребята с яхты оставили нам пакет маршмеллоу. Пастельного цвета и крупные – редкое сочетание. Джек был в восторге. Он поджарил сразу шесть штук, и пальцы у него мгновенно слиплись, так что нам пришлось идти к воде и отмывать ему руки.

Мы сидели между костром и высокой башней из видения Лоу: Джек, Шел, Вэл, Лоу и я. Мы с Лоу пили теплое баночное пиво.

По воде до нас доносились ритмичные басы танцевальной музыки, затем мы увидели фейерверки: они распускались в небесах над яхтой красными, голубыми и белыми цветами. Точь-в-точь как на День независимости.

А это он и есть, вспомнили мы. Четвертое число.

Мы включили на бумбоксе свою музыку, но у нас был только диск Лоу с фолком. Верный своей любви к шестидесятым, Лоу не только одежду выбирал в этом стиле (разноцветные разводы, сандалии), но и музыку предпочитал соответствующую. «Я могу вспомнить лишь миражи в облаках. Самих облаков я не знаю совсем»². Мы слушали, пока не сели батарейки.

Когда музыка смолкла, кто-то предложил рассказывать страшные истории. Начали с однорукого убийцы, который преследовал юную парочку. Влюбленные миловались в пикапе на парковке. Они слышали, как кто-то скребется в дверцу машины, но не обратили на этот звук внимания, а когда выбрались наружу, обнаружили на дверце руку-крюк.

Джек взвизгнул от испуга.

Следующая история была с подвохом: про маленькую девочку, на которую из изножья кровати в упор смотрели чьи-то белесые глаза... Саспенс, саспенс – и хоп! Оказалось, это были ногти на больших пальцах ее ног, на которые падал лунный свет.

Тем временем Лоу подвигался ко мне все ближе и прижался одной ногой к моей. Я переставила свою ногу подальше, стараясь, чтобы это не выглядело грубо.

А еще я решила рассказать Джеку все. Наверное, настало время. Для Шела, может, и нет – в темноте нельзя читать по губам, – но для моего брата – точно.

– Послушай, Джек, сейчас я расскажу тебе еще одну историю. Не придуманную. Историю о будущем, Джек.

Джек взглянул на меня сонными глазами:

– Про белых медведей? И пингвинов? Да, Ева?

– Да, Джек, – сказала я. – Про белых медведей и про пингвинов. И про нас.

* * *

Позже он утер слезы и расправил свои шуплые плечики. Джек у меня мальчик отважный.

* * *

На следующий день я проспала допоздна, потому что ночью вскакивала всякий раз, когда ворочался Джек, – волновалась, что ему из-за меня снятся кошмары. Когда я встала, «Кобра» уже снялась с якоря. Повсюду, сколько хватало глаз, простирался ровный океан.

² Песня Джони Митчелл «Both Sides Now». – Здесь и далее прим. пер.

Вокруг меня в спальнях мешках дрыхли гости отшумевшей вечеринки. Все, кроме Рейфа – тот развалился прямо на песке возле нашего кострища, завернувшись, словно в тогу, в какую-то тряпку.

Рядом сидел Джек. Он показал мне книгу, которую читал, и повторил, что ее дала ему одна из мамаш.

– Какая именно? – поинтересовалась я.

Джек держал в руках «Детскую Библию. Истории из Ветхого и Нового Заветов».

– Та, которая... Ну, которая носит платья в цветочек? – спросила я, имея в виду мать-крестьянку, которая упала на горшки с растениями. – Это она дала тебе Библию?

У наших родителей религиозное воспитание не входило в число приоритетов. Когда мы уезжали на лето из города, Джек, отложив на минуту планшет с игрой «Майнкрафт», посмотрел в окно и, указывая на шпиль баптистской церкви Вифания, спросил мать, что означает этот вытянутый плюс.

– Это сборник историй с картинками. И люди, и животные, но не такие милые, как Джордж и Марта, – сообщил он.

– Ну что сказать? Других таких милах днем с огнем не сыщешь.

– В первой истории, – продолжил Джек, – есть говорящий змей и женщина, которая любит фрукты. Женщину зовут так же, как тебя! Хотя мне не нравится, что змей в этой истории отрицательный персонаж. Это подло. А ты знала, что змеи чувствуют запахи языком?

– А о чем история-то? – спросила я.

– Ну вроде как если у тебя есть хороший сад, никогда из него не уходи.

* * *

Просыпались все лениво и начали вставать лишь к полудню. Дэвид долго зевал – можно было все зубы пересчитать, – а затем спросил:

– Эй, а где Алисия?

– Осталась на яхте, – сказала Ди. – Поплыла вместе с ними на Род-Айленд.

– В смысле? Не... Да вы что? – сказал Дэвид.

– Представляете, как разъярится ее папаша, – сказал Терри. – Кстати, Рейф его вычислил. Сто процентов. Они приехали на винтажном бимере. Она выпрыгнула из машины, а он за ней следом. Это тот мужик, который маскирует бородкой безвольный подбородок.

– Но по-прежнему неизвестно, кто мать, – подал голос Лоу.

– Скоро выясним, – сказал Терри.

– Которая подаст на развод, – сострил Рейф. Он развернул свою тогу (под ней были плавки, как нетрудно догадаться, из гардероба Джеймса) и вытряхнул из нее песок. Тога оказалась простыней. – Интересно, какая плотность у этой ткани?

– Прошлым вечером я расшифровала трех родителей, – зевая, сказала Джен. – Хотите услышать каких?

– Трех? – спросила я с недоверием.

– Я сделала кое-что получше. Я захомотала Джеймса, – сказала Саки.

– Серьезно? – спросил Рейф. Он перестал отряхивать песок и недоуменно покачал головой: – Я тоже.

Они с Саки воззрились друг на друга.

Джуси громко расхохотался.

– Простыня с койки Джеймса, – сказал Рейф так, будто это что-то доказывало.

Саки сообщила, что они с Джеймсом занимались этим в рубке. Вроде на корабле это так называется?

Ди заявила, что они с Джеймсом развлекались на бильярдном столе в кают-компании. В основном просто целовались. Он хотел большего, но она не позволила.

Они сверили свои наблюдения касательно расположения родинки и перешли к уточнению других особенностей бычьей анатомии Джеймса.

– Эй, тут мелкие, – сказала я. – Уймитесь, потаскушки.

Неподалеку Джек под грудой одеял читал книжку «Джордж и Марта в солнечный день».

Джен сменила тему, очевидно недовольная, что не вступила в секс-клуб Джеймса. Ее досаду усиливало то обстоятельство, что свое ухватила даже строгая обладательница девственного рта Ди – но это по ее словам (которым я не очень доверяла, поскольку Ди любила при- врать).

Терри сидел с самодовольным видом.

– То есть игра по факту закончена, – объявила Джен. – А все почему? Потому, что среди нас есть подлизы.

Один из наших парней, подбивая клинья к девице модельной внешности, похвально, что отец у него режиссер. Даже назвал имя и перечислил фильмы, которые тот снял. Он лез из кожи вон, чтобы произвести на нее впечатление.

Джуси. Как мы сразу не догадались!

– Стыдно, – сказал Рейф. – Стыд-стыдобища.

Джус опустил голову. Сплюнул. Со злости пнул тлеющие головешки.

Одна из наших девиц, пытаясь охмурить Джеймса беседой о бункерах, сказала, что ее мать – архитектор. Джен связала это признание с рассказом одной из мамаш о реконструкции на Пятой авеню пентхауса для какого-то принца из Саудовской Аравии. Ди.

Наконец – и это было хуже и неожиданнее всего, – Терри на пальцах объяснял Тесс, где у женщин расположена G-точка. Откуда ему известны такие подробности женского организма? Этот вопрос задала ему и Тесс. Джен слышала, что ответил Терри: у него в семье есть гинеколог.

Мы все знали, кто из родителей медик. Однажды, за не самым удачным ужином из вегетарианских хот-догов с тофу, она пыталась прочесть нам лекцию об опасности папиллома-вируса для человека.

Терри застонал и потянулся к пиву:

– Это все «оракл», говорю вам.

– Спихиваешь вину на травку? – спросила Саки. – Жалкое оправдание.

Я сникла.

– Выигрывает тот, кто продержится до конца, – напомнил Лоу. – У некоторых из нас еще есть шанс.

– И сколько вас, четверо? – спросила Джен. – Если считать Джека и Еву за одного?

– Лично я по-прежнему в игре, – сказала Саки.

– И я, – сказал Рейф.

– И я, – сказал Лоу.

Но энтузиазма у нас значительно поубавилось. Игра уже не казалась такой важной.

– Послушайте, ребята, – сказал Лоу. – Есть кое-что посерьезней. Когда мы ездили за едой, нас предупредили, что погода должна испортиться.

– В каком смысле? – вздрогнула от ужаса Ди. Напугать ее ничего не стоило.

– А сама-то как думаешь? Обещают сильный шторм. Если мы не вернемся сегодня утром, они сами за нами приплывут.

Мы немного поспорили о том, обязаны ли слушаться, и предположили, что родители выдумали этот предлог, чтобы поскорее вернуть нас обратно. Конечно, наступал сезон ов, но обычно они начинаются здесь в конце августа или даже в сентябре.

Впрочем, сопротивлялись мы вполсилы. На горизонте нависли тучи. Подул холодный ветер, и поверхность океана потемнела.

Мы нехотя собрали вещи, сняли брезент, выдернули лыжные палки и закинули все в лодки.

Джен села рядом со мной, по-прежнему дуясь из-за Джеймса. Дэвид погрузился в свои мысли, нервно дергая ногой, а Джек меланхолично рисовал в блокноте похожих на английских денди пингвинов.

Я оттолкнула лодку от берега и взялась за весла, раз никто другой не вызвался.

На пляже не осталось никаких видимых признаков нашего пребывания, не считая ямок там, где мы втыкали в песок палки, кое-где – отпечатков ног да головешек и пепла на месте костра. Может, пары обломанных веток. И еще высилась башня, которую постепенно размывало прибоем. Мы хорошо усвоили золотое правило: не оставляй после себя следов.

Конечно, следы остаются всегда. Хитрость в том, чтобы ловко их скрыть.

Разумеется, мы оставили после себя какое-то количество молекул, думала я, налегая на весла. Но ничего, что могло бы выдать, кто мы такие. Просто человеческие кожа, ногти и волосы, рассеявшиеся по морским просторам.

3

Уставшие и грязные, мы гребли против течения. Все мечтали о том, чтобы поскорее принять душ, а тусовщики после вчерашней вечеринки – еще и о лекарстве от похмелья. А я жаждала провести хотя бы пару минут в одиночестве.

Когда вдали за озером показался особняк, я почувствовала, будто возвращаюсь домой. Мне не стоило никакого труда вообразить, что я всю жизнь прожила тут, а не в сером и унылом доме в Гринпойнте.

Мне живо представилось: каждое лето я купаюсь в озере, ночью лежу на лужайке и изучаю созвездия в темном небе. Бегаю во всю прыть по проселочной дороге, широко раскинув руки, а над моей головой смыкаются высокой аркой кроны деревьев.

Брожу дикарем по дремучим чащобам.

* * *

Родители тем временем впали в нешуточную панику.

Большинство отправились в город за припасами, и на подъездной дороге осталось лишь несколько автомобилей. Некоторые папаши засобирались на выход – заколачивать фанерой окна. Они остановили нас в холле и попросили Рейфа и Терри помочь им.

Саки пробурчала что-то про грязных сексистов и, потребовав дать ей молоток, присоедилилась к ним.

Джек и Шел пошли в лес.

Матери запасали водопроводную воду в ведрах. Сортировали и пересчитывали батарейки, раскладывали на кухонных столешницах ручные и налобные фонари. У нас моментально изъяли мини-холодильники, которые мы брали с собой на пляж.

Кто-то копался с радиоприемником. Из всех розеток торчали провода – заряжались телефоны.

Накаленная обстановка.

Я пошла помогать мамашам выгребать лед из морозильников в пакеты. Пальцы у меня тут же онемели. Настенный телевизор показывал картинки формирования атмосферных вихрей; метеорологи рассуждали о направлении и скорости ветра, смерчах и проливных дождях. Мы слышали эти термины и прежде. Уже вовсю шла обязательная эвакуация, но находились упрямы, надеявшиеся «продержаться и переждать». Те, что погибают исключительно по глупости.

Есть и такие, что погибают из-за любви к своим домам. Одни из-за немощи и старости, другие – в попытках спасти первых.

Некоторые из нас воспользовались внезапным послаблением в правилах: проходя с ведерком для льда мимо приоткрытой двери в спальню, я увидела, что Лоу валяется на родительской кровати. Щелкает пультом и переключает каналы в поисках развлечений.

– Тунеядец, – ткнула я в него пальцем.

Сзади подошел мужчина и остановился рядом со мной. Отец-коротышка. С пузцом.

Он стоял, по-женски оперев руки в бока, и гневно взирал на происходящее.

Но это был лицемерный гнев. Лоу моментально смекнул, что к чему. Изменился в лице.

– Лоренцо, а ну живо слезай с кровати! – приказал ему отец.

Лоренцо повиновался. Разом потерял вкус к отдыху. Полнейший провал.

– Вот это ты пролетел, – сказала я и оставила его наедине с собственным унижением. Встретила в холле Джен – она наводила красоту перед зеркалом – и раскрыла ей родственную связь Лоу.

– Минус один – осталось трое, – сказала она.

В гостиной я застала свою мать на коленях перед винным шкафом, словно перед алтарем.

– Еще нужен бурбон, херес, водка и вермут, – говорила она в телефон.

Я помахала ей, ведь мы не виделись несколько дней. Она явно меня заметила, но не отреагировала.

– Возьми как минимум четыре бутылки виски *Bulleits*, – сказала она телефонному собеседнику. – Постой-ка. А в больших бутылках есть?

* * *

Через некоторое время я забеспокоилась о Джеке и пошла его искать. Пробежала мимо теннисных кортов, до роши с домиками на деревьях.

Джека я там не нашла, но заметила девочек-двойняшек, которые тянули друг у друга куклу. Похоже, они не слышали, как я подошла. Прежде чем я успела их окликнуть и спросить, не видели ли они моего младшего брата, одна из них, Кей, отпустила куклу, и вторая упала на землю.

Кей подняла камень, наклонилась и приложила им сестру по голове. Со всей силы.

– Ты что, сдурела?! – Я подбежала к лежащей в траве Эми и упала рядом с ней на колени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.